

Лера Гадюшкина

Галлюцинация

18+

Лера Гадюшкина

Галлюцинация

«Автор»

2026

Гадюшкина Л.

Галлюцинация / Л. Гадюшкина — «Автор», 2026

Я проснулся от тишины. В доме было холодно, туман за окном не шевелился, а в холодильнике лежали головы котят. Моя любимая еда. Я пошёл в школу — как всегда. За мной шёл силуэт. А потом я вспомнил, что убил своего сына. Или не вспомнил. Или это был не я. Или это вообще не было реальностью. Я проснулся. Солнце светило. Рядом со мной лежал мой сын. Он был жив. Он улыбался. Он нарисовал рисунок всей семьи. И мы завтракали. Я не помнил тумана. Я не помнил ничего. Может, это счастье? Может, это наказание? Может, это просто галлюцинация?

Лера Гадюшкина

Галлюцинация

Галлюцинация

Глава 1

Я проснулся от тишины.

Она была неправильной. Не той тишиной, когда в доме просто никого нет, а той, когда сам воздух боится двигаться. Я лежал на спине, глядя в потолок, и слушал, как пустота давит на барабанные перепонки. В ушах звенело — тонко, назойливо, как комар, которого не видно, но он где-то рядом.

За окном сгустились облака. Не обычные — мёртвые. Серые, тяжёлые, они висели так низко, что, казалось, касались крыши соседнего дома. Света от них не было. Только давящая, свинцовая хмарь, которая просачивалась сквозь стекло и оседала на коже липким холодом.

Я приподнял голову.

В окне — туман. Плотный, молочный, он стоял стеной, не шевелясь. Сквозь него едва угадывались деревья. Голые ветки торчали вверх, как переломанные пальцы, тянущиеся к небу, которого не было. Ни листьев, ни птиц, ни движения. Только серая, непроглядная муть и чёрные силуэты, которые могли быть деревьями. Или чем-то ещё.

Я не знал, сколько пролежал. Минуту. Час. Вечность. Время здесь текло иначе — вязко, как патока, которая никак не могла упасть с ложки.

Потом я сел. Тело слушалось плохо — мышцы затекли, суставы хрустнули, как старые половицы в доме, который давно никто не топил. Я провёл ладонью по лицу, сдирая остатки сна, и поставил ноги на пол.

Пол был ледяным.

Ступни обожгло холодом, который поднимался выше, по лодыжкам, по икрам, до самых колен. Я втянул воздух сквозь зубы и встал. Батареи не грели. Я коснулся одной ладонью — железо отдало сухим, мёртвым холодом, как могильная плита. В комнате было градусов десять, не больше.

Я вышел в коридор.

Здесь было темнее. Свет из комнаты не пробивался — туман за окном съедал его, превращая в серую муть. Я шёл босиком по доскам, и каждый шаг отдавался глухим, сиротливым стуком. Стены были голыми. Ни картин, ни ковров, ни следов жизни. Только обои, которые начали отслаиваться у плинтусов, и трещина, которая тянулась от потолка к полу, как засохшая молния.

В туалете мигала лампочка.

Я зашёл, и свет ударил по глазам — не ровный, а рваный, пульсирующий. Вжик-вжик-вжик. Каждая вспышка длилась ровно настолько, чтобы успеть заметить: кафель на стенах покрыт чем-то тёмным. Разводы. Пятна. Или просто грязь, которую никто не убирал. Я не стал вглядываться.

Когда я мыл руки, лампочка вспыхнула ярче — на секунду, на две. В этом свете я увидел своё лицо в зеркале. Бледное, с тёмными кругами под глазами. И ещё что-то. Сзади, за моим плечом, мелькнул силуэт. Я резко обернулся — никого. Только стена, кафель и дверь, прикрытая неплотно.

Я вытер руки о штаны и вышел.

Кухня встретила меня запахом сырости и старого жира. Свет здесь не горел — только серый, мутный отсвет из окна, в котором всё так же стоял туман. Холодильник гудел ровно, без перебоев, как механическое сердце, которое не знает усталости.

Я открыл дверцу.

Внутри было пусто. Почти.

На средней полке, на блюде с облупившейся глазурью, лежали головы котят. Четыре штуки. Маленькие, с закрытыми глазками и влажными носиками. Шерсть у них была серая, как туман за окном. Ни крови, ни следов разделки — просто головы, аккуратно разложенные в круг, мордочками к центру.

Я закрыл холодильник.

Открыл снова.

Головы были на месте. Я смотрел на них, и где-то в глубине живота зашевелился знакомый, голодный спазм. Моя любимая еда. Всегда была. Сколько себя помню — а я помнил немного, — я всегда хотел их. Мягкое мясо под языком, хруст хрящей, тёплая, солоноватая кровь, которая стекает по подбородку, если есть неаккуратно.

Я взял одну.

Она лежала на ладони, лёгкая, почти невесомая. Шерсть была сухой, тёплой. Я провёл пальцем по закрытому веку — оно дрогнуло. Я не удивился. Они всегда немного дрожали, когда я брал их. Как будто ещё живые. Как будто ждали.

Я положил голову обратно.

Нельзя их переедать. Я знал это. Если съесть слишком много, начинается то, что я называл прозрением. Мир становится слишком ярким, слишком громким, слишком настоящим. А потом — пустота. И я просыпаюсь в своей комнате, снова, и всё начинается заново.

Я закрыл холодильник. Прислонился лбом к его холодной дверце и постоял так, слушая, как гудит мотор. Как бьётся моё сердце. Как тишина давит на уши, становясь всё громче.

Мне нужен был кофе.

Я включил чайник. Вода в нём была мутноватой, с белым осадком на дне. Я налил в кружку, засыпал растворимый — старый, сбившийся в комки, пахнувший чем-то кислым. Перемешал ложкой. Кофе не растворился — он плавал хлопьями на поверхности, собираясь в тёмные, маслянистые пятна.

Я сделал глоток.

Горечь обожгла горло, прокатилась по пищеводу, осела где-то в груди тяжёлым, тёплым камнем. Я закрыл глаза и выдохнул. Вкус был неправильным — слишком резким, слишком горьким, с привкусом металла и старой пыли. Но я пил. Потому что другого не было.

За окном туман шевельнулся.

Я не смотрел на него. Я смотрел в кружку, на чёрную, маслянистую поверхность, в которой отражался мой собственный глаз. Один. Второй был скрыт тенью.

Кофе остывал. Я допил его залпом, до дна, чувствуя, как гуща оседает на языке, как песок.

Поставил кружку в раковину.

Повернулся к выходу из кухни.

И замер.

В дверном проёме стоял мальчик. Лет семи, в пижаме с медведями. Волосы у него были тёмные, взлохмаченные — он только что встал. Глаза — большие, серые, как туман за окном. Он смотрел на меня и молчал.

Я не знал его.

Я никогда не видел его раньше.

Но он стоял в моём доме, в моём коридоре, в моей жизни, которой у меня, кажется, никогда и не было.

Он улыбнулся.

Зубов у него не было. Только чёрная, пустая дыра, от которой пахло сырой землёй и чем-то сладким, приторным, как перезревшие фрукты.

Я шагнул к нему.

Он исчез.

Просто перестал быть. Ни хлопка, ни вспышки, ни звука. Только пустой дверной проём и запах, который уже выветривался, растворился в холодном, сыром воздухе.

Я стоял и смотрел на пустоту.

Рука дрожала. Я не знал, от холода или от страха.

За окном туман начал редеть. Сквозь него проступил силуэт — высокий, чёрный, с широкими плечами. Он стоял у самого дерева, почти сливаясь с его стволом, и смотрел на меня.

Глава 2

Обострение гастрита портит мне каждый приём пищи. Даже когда я ещё ничего не ел, желудок уже скручивает, ноет, сжимается под рёбрами. Кислота поднимается к горлу, оставляет на языке привкус ржавчины и старой меди. Сегодня я не стал завтракать. Пустота лучше, чем боль. Я стоял в прихожей, прислонившись к стене, ждал, когда спазм отпустит. Не отпускал. Тогда я просто перестал обращать на это внимание — привычка, выработанная за последние месяцы. Боль стала фоном. Как шум вентиляции. Как тиканье часов, которых у меня нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.